

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТИ И. КАТАЕВА «СЕРДЦЕ»

*Мы не маленькие дети, и нас не спасет от скуки чтения
даже самая хитрейшая фабула.*

М. Пришвин

Борьба за духовную и нравственную революцию в психологии определила основное гуманистическое содержание молодой советской литературы на рубеже 20—30-х годов. Остро ощущая чувство «движения революции во времени»¹, молодой прозаик и публицист И. Катаев вслед за крупнейшими мастерами прозы Л. Леоновым, А. Фадеевым, А. Малышкиным, А. Платоновым сосредоточил свое внимание на постижении нравственной сущности революции. Пульс больших социально-нравственных преобразований он сумел уловить в такой, казалось бы далекой от героической, сфере — кооперации. В каждой строчке его талантливой повести «Сердце» (1928) ощущается биение живого человеческого сердца, символизирующего собой новые взаимоотношения между людьми и обществом, основанные на «уютности сотоварищества»², доброте и социальной справедливости.

Выразителем этих новых гуманных взаимоотношений выступает главный герой повести — руководитель кооператива, коммунист Александр Журавлев, отдающий работе буквально всего себя, свое сердце.

Высоко оцененная большинством критиков, в частности А. В. Луначарским, эта повесть «...явилась первым, пожалуй, после фурмановского «Чапаева» опытом изображения «изнутри» не просто одного из участников борьбы за социализм, но человека, взявшего социально-нравственную ответственность руководить людьми»³.

Видеть за делом самого человека, уметь проникнуться его заботами, остро переживать за судьбу каждого, пусть даже самого мелкого и ничтожного человека, каким является домовладелец Чистов, но имеющего право на свою драгоценную жизнь, тонко чувствовать духовную красоту наследия прошлого (театр, поэзия Блока), и не иметь возможности в силу времени

¹ Катаев И. Искусство социалистического народа. — Красная новь, 1936, кн. 5, с. 187.

² Катаев И. Повесть «Сердце». — В кн.: Катаев Иван. Избранное, повести, рассказы, очерки. М., ГИХЛ, 1957, с. 96. Далее цитируется по этому изданию. Страницы названы в скобках.

³ Русская советская повесть 20—30-х годов. Л., 1976, с. 213.

реализовать свои духовные потребности — вся эта внутренняя коллизия личности сразу же поставила образ Журавлева в центр дискуссий о деловом человеке конца 20-х — начала 30-х годов. Это объясняется прежде всего тем, что повесть, как внутренний монолог героя о времени и о себе, несла сильнейший полемический заряд. Образ коммуниста Журавлева с душой, открытой людям, явился попыткой писателя преодолеть два пути в литературе, определенные А. Фадеевым как идеалистический и рационалистический. Сущность их состоит в противопоставлении разума — чувству, сознательного — бессознательному, человека «нутра» — психической первичной силе»⁴.

Полная эмоций (может быть, даже чересчур, но опять-таки в силу полемики), жизнь кооператора Журавлева, заботящегося о «миллионе улыбок — самых глупых, самых ребячьих, самых эгоистичных» (127), явно противостояла жизненной позиции человека-деловика», «волевика», совершенно лишенного естественных человеческих эмоций, сторонниками которого выступали лефовцы.

Преодолевая литературный штамп и схему в изображении коммуниста, как человека-«сухаря», «утюга» революции, И. Катаев показал своего героя человеком, наделенным редким талантом — талантом человеческого сердца.

Именно этот способ типизации действительности, когда все изображаемое пропущено через большое сердце героя, вызвал отрицательную оценку некоторых критиков, усмотревших в этом идеалистическую точку зрения на мир. Так, Троценко писала, что «...люди, события и вещи показаны нам только как переживания Журавлева, как его представления»⁵, и, видимо, потому герой, по мнению другого критика, Македонова, «теряет непосредственную связь с действительностью», «...а чтобы эту связь поддержать, приходится декларировать. Декларирует Журавлев много и излишне». То, что «человек через действие показывается лишь в очень незначительной степени», дало критику основание заявить, что «сюжета повести, как известной конструктивной системы, нет, и стройной конструкции психологического плана, заменяющего иногда сюжетную конструкцию, тоже нет». И вот резюме: «...мы имеем дело с типичной импрессионистской психологической повестью...»⁶.

Думается, что здесь критик, сам себе в том не признаваясь, нащупал важнейшую тенденцию времени: вытеснение сюжета

⁴ Фадеев А. Столбовая дорога пролетарской литературы. Доклад на I Всесоюзном съезде пролетарских писателей в 1928 году. — В кн.: Фадеев А. За 30 лет. Изб. статьи, речи и письма о литературе и искусстве. М., 1957, с. 37.

⁵ Троценко Е. И. Катаев — «Сердце». — Октябрь, 1929, кн. 2, с. 24.

⁶ Македонов А. Рецензия на сб. «Сердце». 1928. — На литературном посту, 1928, № 22, с. 74.

характером, «отразившую повышенный интерес к человеческой личности в связи с новым ее положением в обществе»⁷.

Внешняя незатейливость фабулы, когда события жизни главного героя воспроизводятся как единый жизненный поток, дала основание критике говорить о «бесфабульности» «Сердца». При этом нужно иметь в виду, что между понятиями «фабула» и «сюжет» в те годы особенно, да и сейчас, подчас ставится знак равенства, а сюжет понимается весьма упрощенно, сводясь к захватывающему узлу событий.

Подобно М. Пришвину, писатель «не отбрасывает фабульности, но не считает ее основой своего жанра, ... делая акцент на внутреннем движении темы»⁸.

Повесть воспроизводит два дня из жизни кооператора Журавлева с документальной точностью. Время входит в повествование то лучами утреннего солнца, зарывшегося в розовые стружки, то точными социальными штрихами времени, — голосом радиостанции Коминтерна, то томительными минутами ожидания свободного телефонного провода, то грохочущими ударами больного сердца, когда минута равна чуть ли не жизни. Время торопит, не дает ни минуты покоя, и поэтому большое сердце героя не выдерживает его бешеного ритма. Именно ритм создает четкую сюжетную организацию произведения. События и ситуации следуют одно за другим по принципу временной зависимости.

На внешнем плане сюжета — текущая жизнь кооператива, который в этот момент переживает «шквалы безденежья» (96). Но даже в этот тяжелый момент Журавлев, этот неисправимый мечтатель, не перестает смотреть на мир светло и оптимистично. Эта праздничность мироощущения передается с помощью гиперболизации сравнений: газета сравнивается с «земным шаром стоимостью в три копейки» (91), хлебозавод — с «Ватиканом, Востминстерским аббатством» (151).

Уже первая фраза, вводящая нас в мир ощущений Журавлева, звучит как увертюра к основному идейному мотиву произведения — необходимости духовного начала: «податливое дерево радуется умную руку мастера» (88). Момент эстетизации труда как источника не только материальных, но и духовных благ для человека, заключенный в этой фразе, находит свое углубление и развитие по ходу сюжета.

Однако поэзия праздничного мироощущения Журавлева приходит в столкновение с суровой прозой жизни. Артель плотников отказалась оборудовать новый универмаг — гордость района, потому что, как сообщил плотник Пузырьков, «подгонять-то

⁷ Синенко В. Русская советская повесть 40—50-х годов. Вопросы поэтики и типологии жанра. — В кн.: Проблемы жанра и стиля. Уч. записки, Уфа, 1970, вып. 4, с. 49.

⁸ Бармин А. «Кашсева цепь» М. М. Пришвина как лирическая эпопея. (К проблеме эпического лиризма). — Филологические науки, 1974, № 2, с. 20.

надо рублем, а не разговорами» (89). Всплывает дисгармония между духовными и материальными потребностями человека и их удовлетворением, ограниченными жесткими рамками времени.

Писатель понимал, что революция, неся человеку социальное освобождение, вовсе не снимала с повестки дня драм духовных, обусловленных борьбой нового и старого, чувства и разума, слова и дела. Человеку порой приходилось жертвовать во имя будущего не только сокровенными духовными мечтами, но и самим собой. Эта трагическая коллизия времени составляет основу сюжетного движения повести.

Смысл его в том, что стремление героя к духовному и нравственному совершенствованию, к гуманизации как внутренней, так и общественной жизни ограничено реальными возможностями времени, выдвигающими на первый план удовлетворение самых насущных материальных потребностей. И сам герой хорошо осознает это противоречие: «О, мы победители страшных лет, мы знаем, как это важно. Сначала это вдосталь, по горло, всем, потом — остальное. Доброта, изящество мысли, искусство вырастут сами, расцветут. Я понимаю, они важнее, но для них нужно изобилие, чтобы человек не заглядывал другому в рот и не думал: «Сукин ты сын, ты проглатываешь, лучше бы мне проглотить» (128).

Эта позиция героя была воспринята критикой как провозглашение «ступенчатого развития общества — сначала материальное, затем — духовное»⁹. Но, на наш взгляд, постоянным мотивом, объединяющим все лирические раздумья героя — о первой любви к Соне Толоконцевой, завершающимся торжественным монологом о женщине, как «дивном диве (125), подаренном миру» (124), зарисовки о человеке, психологическое состояние которого можно выразить формулой: «сияют ботинки — сияют глаза» (128), объяснение в любви к родному городу, — является мотив потребности, необходимости духовного начала в человеке. Иначе он, по мысли Журавлева, может превратиться «в убогий механизм» (118). Этот мотив и определяет развитие второго плана сюжета — лирического, который может быть охарактеризован как «цепь эмоциональных состояний» героя¹⁰. Все эти элементы лирического сюжета, ослабляя фабульную сторону произведения и замедляя ее ритм, ни в коей мере не снимают напряжения основной сюжетной коллизии.

Особенность сюжетики этой повести заключается в том, что за внешней незначительностью событий стоит огромная, полная напряжения и эмоций внутренняя жизнь героя. Перед читателем два круга жизни героя, тесно смыкающиеся друг с другом, —

⁹ Русская советская повесть 20—30 годов, с. 214.

¹⁰ Корман Б. Родовая природа рассказа Паустовского «Телеграмма». (К вопросу о специфике лирической прозы). — В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Калининград. 1976, вып. 2, с. 125.

деловой и личный. При этом авторская позиция такова, что он стремится к гармонии этих двух начал. Однако это не всегда удастся герою. Общество, поставив идеалом гармонично развитую личность, шло к нему путем отказа от многих сторон жизни. «Да, многие струи жизни текут, не касаясь меня» (118), — с грустью сетует в душе Журавлев.

Какими бы текущими делами ни занимался Журавлев — заботами о скорейшем завершении строительства нового университета, слиянии с более крупным кооперативом «Табачник», — за всем этим кругом общественной деятельности личный интерес, ощущение забот государственных, как своих личных. Но и другой личный жизненный круг — встречи с бывшим коллегой по гимназии Сергеем Толоконцевым, с которым они еще в революцию оказались по разные стороны баррикад, с прошлым Журавлева — армейскими приятелями Гушиными, общение с домоуправленцами, семья — не замкнут, а разомкнут. Он проникнут идеей ответственности Журавлева за все, что происходит вокруг, любовью к человеку, заботой о нем. Жить интересами другого человека — эта нравственная заповедь Журавлева приближает его к образу делового человека 70-х годов.

Все события общественного и личного плана даны в строго временной последовательности, потому что автора интересует прежде всего сам субъект изображения, т. е. то, как воспринимает события главный герой. И здесь большая роль принадлежит второму лирическому плану сюжета, служащему углублению внутреннего мира героя.

Показателен в этом отношении монолог героя о сослуживцах, несущий в повести повышенную психологическую нагрузку. Косвенно знакомя нас с другими героями повести, он углубляет внутреннюю характеристику самого Журавлева, ибо в сослуживцах отражены те черты, которые характеризуют самого Журавлева. Главный критерий в оценке личности заключается для него в преданности идеалам революции.

Внутреннее саморазвитие Журавлева и его сослуживцев определяется тем, что, стремясь к материальному достатку для всех, они отрицают его для себя. Труд для сослуживцев Журавлева — Аносова, Кулябина, Бурдовского и др. — есть прежде всего возможность проявить свои творческие способности и высокие нравственные принципы.

Как чуткий и вдумчивый руководитель, он знает не только сегодняшний день своего подчиненного, но и его прошлое, которое помогает ему глубже проникнуть в мотивы поведения человека, ощутить в нем тот здоровый нравственный фундамент, который заложен в годы революции и гражданской войны. Из короткого, но выразительного экскурса в прошлое мы узнаем, что Аносов «до семнадцатого косноязычный закройщик, а в 19 — агитатор подива» (98) и сегодня не перестает бороться с «болезнью розового взгляда на мир», бичуя «воображаемые полчища

бездельников» (99), и Журавлев восторгается его «смертельной честностью» и «мужественным скептицизмом» (99). Личность «короля ширпотреба и зеркальных витрин» (99) Бурдовского облагораживает стремление к революционному требованию, чтобы «вещь принадлежала всем» (101). «Революция и завод» (97) — вот что по нраву такой личности, как завпищесотделом кооператива Кулябин. И когда ночью хулиганы отбирают у него «единственное изящество» (98) жизни — часы, то Журавлев остро понимает, что главное сейчас для человека — это внимание к нему, доброе слово, то что мы сегодня называем моральной поддержкой.

Не случайно критик — современник И. Катаева О. Колесникова видела основной леймотив повести в «любви к людям, к городу, к ветру, к осенним листьям и розовым стружкам»¹¹.

Однако любовь эта лишена абстрактного человеколюбия. Мысленное объяснение Журавлева в любви к сослуживцам лишено идеализации. Тот же Аносов характеризуется как «начетчик» и «марксоед», «цитата в брюках» (98). Бурдовский — «общественник и графоман» (101), а Кулябин — «профессиональный неудачник» (97).

Неоднозначно отношение Журавлева и к бывшим врагам Советской власти. Бывший домовладелец Чистов является человеком, социально не опасным для общества, ибо его выпады против Советской власти не идут дальше печистоплотных выходов в бытовой среде.

Но совсем иное отношение Журавлева к так называемым завуалированным врагам в лице кооператора Потажицкого. Сатирическое освещение его облика, мимо которого всегда проходила критика, не типично для восприятия Журавлева, который склонен скорее романтизировать некоторые личности. У Потажицкого внешность, делающая его похожим «на голландского шкипера» (130), «безупречная складочка на брюках, о которую можно обрезать», «благородная седина» (131). Уходя, он «раскланивается», «расшаркивается» (132). Таким образом, уже в самой сатирической обрисовке этого образа содержится момент дискредитации. Настороженность по отношению к его вкрадчивому облику и слащавой манере в дальнейшем полностью оправдывает себя — Аносов разоблачает в нем отъявленного и хитрого жулика.

«В нем (Журавлеве) — писал А. Лежнев, — есть тот гуманизм, который исходит не из идеалистических посылок, неопределенного человеколюбия и прекраснодушия, но из сознания социальной детерминированности человека, из взгляда на него как на продукт обстоятельств, из стремления их изменить, энер-

¹¹ Колесникова О. Когда бьется сердце. — Читатель и писатель, 1928, 18 ноября.

гичный и активный гуманизм борца, работающего над переделкой этих условий так, чтобы они стали достойными человека»¹².

В этом высказывании критики отмечен принципиальный момент позиции автора в обрисовке психологического облика героя — социальная обусловленность его нравственного облика.

Борьба писателя за гармонично развитую личность велась не умозрительно, а с опорой на жизненную потребность — удовлетворение самых насущных материальных потребностей, к чему и призвана сфера кооперации, которой, как известно, придавал значение В. И. Ленин. Но гимн вещам, который мысленно «исполняет» Журавлев, любуясь прилавками нового универмага, написанный необычно поэтично и даже грациозно, далек от «вещного фетишизма» Андрея Бабичева из повести Ю. Олеши «Зависть». Герой «Сердца», отмечал критик Македонов, в отличие от Андрея Бабичева не только «проникнут восторгом строящейся вещи, но и остро чувствует живого человека, миллион улыбок, освещающий изнутри мир вещей... Вещь берется в ее связи с человеком, с классом, осмысливается социально»¹³.

Мир олешинского Бабичева ограничен, потому что он делец, «человек-машина», «великий колбасник». Не случайно ему в повести противопоставлен Николай Кавалеров, наделенный тонкостью чувств и поэтичностью мировосприятия. Интересно, что критика 20-х годов, в частности, А. Бочачер, видела в катаевском герое своеобразное сочетание бабичевской любви к вещам, притом еще «в потребителски-индивидуальном ее преломлении» с интеллигентским сентиментализмом и кавалеровской любовью к самобичеванию». «Журавлев, — провозглашал критик, — это сентиментальный Бабичев»¹⁴.

На наш взгляд, именно деловые черты Бабичева — его деловитость, творческое отношение к делу, а также глубина поэтического мироощущения Кавалерова, лишённые своего гротескного художественного решения, получают в облике Журавлева свое второе дыхание и право на жизнь. Не зависть к новому миру, а любовь к нему — вот основная психологическая доминанта образа Журавлева. Исходя из своей нравственной заповеди — «не должны губить человека, даже самого скверного», — Журавлев не понимает, почему его сын Юрка так ожесточен против бывшего домовладельца Чистова, человека, давно обезвреженного Советской властью. Сухая рационалистическая логика подростка Юрки Журавлева, собственноручно написавшего записку о немедленном выселении бывшего домовладельца Чистова, который вследствие этого покончил жизнь самоубийством, приходит в столкновение с гуманистическими принципами Жу-

¹² Лежнев А. О молодых писателях. — Печать и революция, 1929, № 2-3, с. 79.

¹³ Македонов А. Рецензия на сб. «Сердце», с. 74.

¹⁴ Бочачер А. «Сердце» — повелитель. (О творчестве И. Катаева). — Печать и революция, 1930, № 4, с. 21.

равлева, отрицающими бессмысленность человеческих жертв, если они не продиктованы революционной необходимостью.

Трагический финал повести звучит как предостережение против бессмысленных человеческих жертв.

Таким образом, общий гуманистический пафос этой повести человеческой жизни. И в этом ее актуальность. состоит в превозглашении высшей ценностью ценность каждой

* *
*

Мы остановились на двух основных элементах, определяющих своеобразие жанра этой повести: сюжете и характере. Исходя из двуплановости повествования, наличия второго плана сюжета — лирического, а также учитывая «важнейшую тенденцию искусства — вытеснение сюжета характером», а отсюда сосредоточенность автора на внутренней жизни героя, мы можем отнести эту повесть к лирико-психологической.

Таким образом, писатель И. Катаев внес свой вклад в разработку жанра повести, творчески подойдя к разработке социально-бытовой тематики. Он опозитизировал простой труд кооператора, углубив и расширив тем самым психологический облик современника. Под пером писателя обычный социально-бытовой сюжет превратился в лирический монолог о времени, о себе и своем герое, ибо «настоящий творец стремится выявить не себя в искусстве, а искусство в себе, создавая героя — «выходит из себя»¹⁵.

Н. П. Козлов

ПРОБЛЕМА КОНФЛИКТА В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «СОКРОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Содержание конфликта, его роль и назначение, его художественное своеобразие достаточно обстоятельно изучается исследователями драматургии. Начиная с 50-х годов, при оценке идейно-художественных достоинств драматического произведения конфликт является чуть ли не главным критерием. Под углом зрения художественной коллизии изучаются отдельные произведения классической и современной драматургии, конфликту посвящаются сочинения и дискуссии, монографии и

¹⁵ Бармин А. «Кашеева цепь» М. М. Пришвина как лирическая эпопея. (К проблеме эпического лиризма), с. 24.